

Дверь в съёмочный павильон оставалась приоткрытой. В коридоре толпились члены съёмочной группы, а из помещения долетал командный голос режиссёра У Цюфэна.

Сюй Юньшань инстинктивно сбавил шаг и неторопливо подошёл ближе. Тяжесть, давившая на грудь ещё минуту назад, немного отступила.

В тот миг ему казалось, что он больше и секунды не вынесет вида Янь Тина, а в голове мелькнула сумасбродная мысль разорвать всякое сотрудничество. Но остыв, он трезво осознал: выбора у него нет.

Контракт подписан, неустойка ему не по карману, а деньги нужны как воздух.

Хотя бы скопить половину долга, чтобы урезать кабальные проценты.

За спиной скрипнула дверь. Юньшань мог даже не оглядываться — он и так знал, кто идет следом. Ускорив шаг, он попытался затеряться среди съёмочной группы, но Янь Тин прилип к нему словно банный лист и увязался рядом.

Юньшань весь одеревенел и, уставившись прямо перед собой, не сводил глаз с площадки.

"Спокойно. Всё ради денег... Только ради денег..."

— Юньшань? А, вот и ты, — У Цюфэн мазнул по нему взглядом и поманил рукой. — Как раз вовремя. У актёра грим поплыл, подправь.

Сюй Юньшань бросил взгляд на Цзинь Цзю, сидевшего подле режиссёра. Грим на носу мальчишки смазался вчистую, будто тот усердно его тёр.

Подойдя к ребёнку, Юньшань опустил чемоданчик с косметикой на пол и, быстро отыскав нужные кисти и тон, принялся за работу.

Тем временем У Цюфэн давал указания актрисе:

— Цинь Чжэнь, в предыдущем дубле эмоции пошли не туда. Ненависть Сюй Хуаньчжи к Сюй Фаню — это глухая, затаённая обида. Добавь сюда затяжную депрессию и полное истощение, моральное и физическое. Эмоциональный взрыв не должен происходить мгновенно, ему нужен разбег. Затишье перед бурей стоит затянуть...

Едва режиссёр закончил инструктаж, Юньшань нанёс последние штрихи. Команда приготовлена — пятый дубль.

Юньшань собрался уходить, но, выйдя в коридор, обнаружил, что Янь Тин снова плетётся за ним. Повернувшись, Юньшань смерил его тяжёлым, испепеляющим взглядом, однако тот даже ухом не повёл — лишь беспечно улыбнулся и кивнул кому-то из ассистентов.

Возвращаться в гримёрку и снова оставаться с Янь Тином наедине категорически не хотелось. Сюй Юньшань остановился и решил досмотреть сцену вместе со всеми.

Этот эпизод состоял из двух частей — внутри больничной палаты и снаружи. Сюжет был мрачным: старший брат, Хэ Ян, тяжело болен и лежит в больнице; младший, Сюй Фань, приходит его проведать. После этого их мать, Сюй Хуаньчжи, срывается под влиянием стресса и устраивает младшему сыну жестокую взбучку.

Операторы настроили ракурсы. Цзинь Цзю вышел на исходную позицию. Взгляд Юньшаня зацепился за два леденца на палочке в ручонках мальчика, и мысли мгновенно унесли его на двадцать лет назад.

Шёл третий день пребывания Хэ Яна в больнице. Была суббота, Сюй Фаню не нужно было в детский сад, и мать взяла его с собой. Зажав в кулачке десять юаней, мальчик сбегал в ближайшую лавку по поручению — купить две бутылки воды. На сдачу хозяин магазинчика уговорил его взять пару леденцов на палочке, от которых малыш просто не мог оторвать глаз.

Держа в одной руке пакет с водой, а в другой — два заветных леденца, Сюй Фань радостно прибежал к палате брата.

Перед дверью он постарался сделать серьёзное лицо, спрятал сладости за спину и прошмыгнул внутрь. На койке лежал один Хэ Ян.

— А где мама? — спросил Сюй Фань.

— Ушла платить по счетам, — ответил Хэ Ян.

Сюй Фань переглянулся с братом. Закрыв дверь, он подпрыгивающей походкой подошёл к кровати.

Одному — пять лет, другому — девять. Совсем ещё несмышлёныши, без взрослых они чувствовали себя хозяевами всего мира.

Поставив пакет на тумбочку, Сюй Фань с гордостью выставил вперёд конфеты:

— Будешь?

Хэ Ян прищурился и тепло улыбнулся:

— Буду!

Брат наугад взял один леденец. Выражение лица Сюй Фаня тут же изменилось. Наблюдая, как Хэ Ян шуршит обёрткой, он нерешительно отдёргнул руку, переводя взгляд с конфеты на брата.

— Зай, а ты любишь личи?

Хэ Ян крутил в пальцах фантик:

— А?

Сюй Фань поджал губы, едва не прикусив их:

— Мне... мне вроде как ранний май нравится...

Хэ Ян опешил, глядя на его смущённую мордашку, но, мельком взглянув на ягодный рисунок на фантике, всё понял.

Глаза старшего брата снова хитро сузились:

— Это ещё что за «ранний май»?

— Ну... это... розовенький у тебя в руке! — затараторил Сюй Фань.

— У меня клубника.

—... Я клубнику тоже люблю, — тихонько пробормотал малыш.

Он досадно ковырял фантик своей конфеты, как вдруг прямо перед его носом появилась розовая сладость.

Сюй Фань вскинул голову и уставился на брата широко раскрытыми глазами.

— На, ешь, — улыбнулся Хэ Ян.

Сюй Фань замер. Он опомнился только тогда, когда брат сам сунул леденец ему в рот.

Клубничная сладость разлилась по языку, и на душе у Сюй Фаня стало невероятно тепло. Опустив голову, он неуклюже содрал обёртку со своей конфеты с ароматом личи и протянул её

Хэ Яну.

Тот отправил леденец в рот.

Сюй Фань боязливо покосился на брата и тихо спросил:

— Зай, ты рад?

— Конечно рад! — без колебаний отозвался Хэ Ян.

Сюй Фань снова уткнулся взглядом в пол:

— Но если я так рад...

Не понимая, к чему ведет младший, Хэ Ян искренне удивился:

— Ты подарил мне конфету, с чего мне не радоваться? А когда ты рад, мне ещё веселее!

Сюй Фань поднял глаза, в которых блеснул огонек надежды:

— Правда?

— Ещё бы! — Хэ Ян осторожно потянул брата за щеку. — Ты же мой братишка! Конечно, ты должен радоваться. А вот то, что ты почти не улыбаешься — это странно.

Сюй Фань вздрогнул и испуганно замотал головой:

— Мне нельзя улыбаться.

— Это ещё почему? — Хэ Ян искренне недоумевал. — А мне нравится, когда ты улыбаешься. Ну-ка, улыбнись мне!

Сюй Фань, всё ещё держа во рту леденец, едва не расплескал слюну. Он облизнул губы, боязливо бросил взгляд на дверь и улыбнулся брату.

Это была чистая, искренняя улыбка. Зажав леденец между неровными молочными зубами, он расплылся от уха до уха. Из окна выскользнул золотистый солнечный луч, очертив его силуэт мягким сиянием. Кажется, сам сладкий аромат леденца готов был выплеснуться через край.

Хэ Ян заворожённо смотрел на него некоторое время, а затем тоже расплылся в улыбке.

Кто первым из них задорно хихикнул — разобрать было невозможно, но уже через мгновение палату затопил звонкий, счастливый детский смех.

— Яньян?

Смех обрезало как ножницами.

Хэ Ян повернулся к двери, так и не заметив мелькнувшего в глазах младшего брата дикого страха:

— Мама, ты вернулась?

Цинь Чжэнь закрыла дверь палаты. Находившиеся в коридоре члены съёмочной группы мгновенно подтянулись. Нажимая на кнопки и держа наготове оборудование, все замерли на своих позициях. Поторапливаясь и стараясь не производить лишнего шума, они действовали с лёгким оттенком суматохи.

Сюй Юньшань почувствовал, как кто-то дернул его за руку, и очнулся от цепящего оцепенения. Повернув голову, он встретился взглядом с Янь Тин, который подмигнул ему и слегка потянул в сторону, уводя из кадра.

Они вышли за пределы видимости камер, но Янь Тин так и не выпустил его ладонь. Юньшань, как ни странно, не стал вырываться.

На его лице не отражалось никаких эмоций — лишь в глубине глаз застыла смутная потерянность.

Наклонившись к самому уху Юньшаня, Янь Тин тихо спросил:

— Ты чего? Строишь так, будто заворожённый.

Теплое дыхание коснулось раковины уха. Юньшань чисто рефлекторно отстранился. Взгляд его обрел четкость, но он лишь поджал губы и ничего не ответил.

Дверь палаты отворилась, и двое актёров вышли в коридор. Операторы выставили ракурс. Несколько десятков человек замерли, превратившись в безмолвных зрителей.

Юньшань смотрел прямо перед собой. Гулкое, тяжёлое биение собственного сердца отдавало в ушах. Дыхание перехватило, и он бессознательно сжал пальцы в кулак.

Сюй Фань и Сюй Хуаньчжи стояли прямо перед ним — не дальше пяти метров.

Дверь палаты тихо захлопнулась. Сюй Хуаньчжи шла впереди, Сюй Фань семенил следом, сжимая в дрожащей ручонке недоеденный леденец.

Сделав пару шагов, мать резко остановилась.

Повернувшись, она смерила Сюй Фаня ледяным взглядом сверху вниз. Недавняя тёплая улыбка испарилась без следа, словно никогда ему и не предназначалась.

— Чему ты радуешься?

Голос Сюй Хуаньчжи звучал пугающе ровно, но Сюй Фань инстинктивно отступил на шаг:

— Мама...

— Чему ты скалишься?! — переспросила она и, сделав пару стремительных шагов, вцепилась мальчику в воротник, с силой встряхнув его. — Чему ты, чёрт возьми, радуешься?!

Сюй Фань вытаращил глаза, онемев от ужаса. От испуга его пальцы разжались, и леденец с тихим звоном упал на каменистую землю, расколовшись на мелкие осколки.

— Я разве не говорила тебе не улыбаться?! — Голос женщины сорвался на дрожащий хрип. — Твой брат тяжело болен! С какого перепугу ты лыбишься?! С чего тебе так весело?!

— Ты хоть представляешь, как ему больно?! Знаешь, через какой ад он проходит?! Он ведь совсем кроха, совсем еще ребёнок!

Сюй Хуаньчжи сорвала голос; её глаза налились кровью, а лицо перекосило от бешенства и отчаяния.

Сюй Фань замер, задрал голову и в ужасе глядя на мать. Он словно не понимал смысла сыпавшихся на него обвинений — лишь беспомощно хлопал глазами, пока из них градом катились слёзы.

Зажмурившись, Сюй Хуаньчжи сделала пару судорожных вдохов, пытаясь подавить бушевавший внутри шторм.

А затем холодно и беспощадно отчеканила:

— Заткнись. Не смей реветь.

Сюй Фань судорожно всхлипнул, не в силах сдержать слезы. Всё его маленькое тело сотрясала крупная дрожь.

— Не смей реветь! — рывкнула Сюй Хуаньчжи.

Она швырнула воротник мальчика, сгребла его за худенькое плечо и принялась с жестокой силой растирать ладонью его мокрое от слёз лицо.

— С какого черта ты распустил нюни?! Ты абсолютно здоров! Живёшь в своё удовольствие каждый проклятый день! С какого перепугу ты смеешь ныть?!

— Почему?! Почему твой костный мозг не подошёл?! Почему ты такой бесполезный?!

— Зачем я вообще тебя родила?! Ты даже собственного брата спасти не способен! Едва не угробил меня при родах... Какой от тебя толк в этом мире?!

— Заткнись! Не реви!

— Перед кем ты тут слёзы льёшь?! Перед братом?! Ему и так паршиво, а ты делаешь только хуже!

— Эй, ты в порядке? — донёсся до него голос Янь Тина.

Сюй Юньшань судорожно выдохнул, и перед глазами наконец прояснилось. Съёмка эпизода возле палаты завершилась. Актеры разошлись. Маленького Цзинь Цзю подняли на руки; мальчик быстро отошёл от роли и всю вытирал сопли салфеткой. Цинь Чжэнь, всё ещё не вынырнувшая из тяжелого эмоционального состояния, с печальным видом принимала платок из рук ассистента.

Юньшань завороченно смотрел на эту сцену, пока лёгкое сжатие ладони не заставило его ощутить чужое тепло.

Янь Тин качнул их сцепленными руками и вопросительно изогнул бровь:

— Зажал мою руку мёртвой хваткой... О чём задумался?

Сюй Юньшань промолчал.

"Он что... всё это время держал его за руку?"

"Нет, постой."

Юньшань быстро прокрутил в голове последние события. Это Янь Тин сжал его ладонь, пока он находился в прострации, и так и не выпустил.

Янь Тин провел большим пальцем по тыльной стороне его кисти:

— Похоже, эта сцена задела тебя за живое? Может, со мной...

Закончить фразу ему не дали: Юньшань резко выдернул руку.

Казалось, к нему мгновенно вернулась прежняя колючая отстранённость. Взгляд Юньшаня вспыхнул такой откровенной яростью и отвращением, что Янь Тин невольно осекся.

— Не трогай меня. И держись подальше.

Едва бросив эти слова, Юньшань услышал, как его окликнул У Цюфэн. Поправив лямку чемоданчика той самой рукой, которую только что держал Янь Тин, он развернулся и ушёл не оглядываясь.

Янь Тин так и остался стоять с полуподнятой рукой, растерянно глядя вслед удаляющейся фигуре.

... Чёрт.

И с какого перепугу он вечно чувствует себя у разбитого корыта?

<http://bllate.org/book/20603/2131029>